

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 30 августа 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 30 de agosto de 1986 No. 1883

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВОДОРАЗДЕЛ

В эмиграции есть две струи, две тенденции. Попробуем их разобрать с точки зрения отношения их представителей к сравнительно недавним определяющим событиям русской истории.

Наш стан, тот к которому я принадлежу, смотрит отрицательно на революцию, как февральскую так и, еще того более, октябрьскую; наша симпатия на стороне защитников старого режима, в момент вооруженного переворота.

В период гражданской войны, сочувствие наше целиком на стороне белых. Что у них были ошибки и даже грехи, что среди них могли встречаться и плохие люди, ничего не меняет. Ведь ко всякому делу в истории, даже самому святому, как, скажем, крестовые походы, испанская реконкиста, свержение татарского ига, примешивались личные страсти и расчеты, порою и преступления, и среди их деятелей имелись авантюристы, а то и прямо разбойники.

Важно не это, а то, что они служили правому делу; за что многое им можно и простить. Победа белых спасла бы Россию от... мы-то теперь хорошо ведь знаем, от каких невероятных ужасов! Но даже и мы не знаем, сколько еще они продлятся...

В эпоху Второй Мировой войны, мы желали победы Власовского Движения. Опять-таки, его программа была сумбурна и наивна (не только по вине участников, но и по вине давивших на них немцев); но одно оно могло привести к освобождению нашей родины от большевизма. И вполне второстепенно, велики ли были его шансы на успех: это было наше дело, ибо это было дело борьбы с коммунизмом.

Нет нужды говорить также, что мы стоим за единство России. Иной вопрос, что в ней вполне возможно сохранить и, как факт, расширить все те права, все те принципы автономии и децентрализации, которые

у большевиков существуют теперь лишь формально.

Это враги сейчас нам приписывают изо всех сил якобы стремление всю национальную самобытность нерусских народностей внутри нашей Империи уничтожить, или национальную спесь, проявлявшуюся будто бы в квасном патриотизме и в презрении ко всем неславянским племенам.

А ведь ничего подобного у нашей монархии не было! Наоборот, наши государи гордились, что в их владениях живут различные по культуре и обычаям национальности; наша интеллигенция к ним относилась с интересом и симпатией. О них думал Пушкин, восклицая:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И помянет меня всяк сущий в ней язык.

Всяческие против нас обличения ныне стимулируются той частью третьей волны, которая поспешила продаться враждебному нам Западу, и строятся всегда по одному рецепту: сделать куклу, назвать ее Россией, и потом по ней бить. Кукла, конечно, защищаться не может; но она с настоящей Россией и не имеет ничего общего.

Другая струя эмиграции ведет свое начало от участников и поклонников февральской революции, которые неизменно хулили царскую власть и восхищались керенщиной.

Тем из них, кто все же не признавал и до конца не признал большевизма, мы опять же многое можем извинить. На беду, немало из них кончили ведь хождением в Каноссу, в той или иной форме, как Милюков и Маклаков.

Еще худшее ответвление их представляли собою люди, как муж Цветаевой, С. Эфрон, которые принялись *каяться* в своем участии в Белом Движении (каковым они имели полное право *гордиться*; как и гордилась за мужа сама Цветаева). Совершенно логично и неизбежно, подобные настроения вели их ко сменам веховству, к участию в войне в Испании на стороне красных, в шпионаже в пользу Советов и — к собственной гибели: возврату в СССР, где их ждали концлагерь или расстрел.

Вторая Мировая война внесла бурные изменения в карту эмиграции, и в ее вихре люди по разному ориентировались. Однако, несомненно: по окончании ее, в возникших везде как грибы союзах совпатриотов отслоилось все самое подлое или самое глупое, что в эмиграции было. Не станем останавливаться на дальнейшей судьбе этих союзов: одни из членов погибли — и за дело! — в Советском Союзе; другие во время переменили взгляды и вернулись в свой первоначальный эмигрантский облик.

Но вот: сии примеры должны бы нам служить уроком. И когда

вновь раздаются разговоры, что будто в гражданскую войну были какие-то *две правды* (двух правд не может быть никогда!); что красные были не хуже белых, а то и лучше; что русский народ в процессе Второй Мировой доказал свою преданность Сталину, и это есть его великие счастье и гордость, — только совсем неискренние и простодушные представители первой и второй эмиграции или их младшего поколения способны к такой дребедени всерьез прислушиваться! Старая чекистская погудка чуть-чуть на новый лад; тем более ядовитая, чем хитрее она прикрывается патриотизмом, русскостью, правизной, и тому подобной мишурой.

Пристегиваемое сюда же расчленение России, — немедленное и по нашей же инициативе, — носит и вообще провокационный характер. Не будем ломать себе голову о том, кто его инспирирует; скажем ему твердо: нет! И будем дальше бороться за правду; ту, единую, за которую умирали сторонники царской России, а за ними бойцы Белой и Власовской армий.

Вспомним слова гренадеров у Беранже:

И если правды нет на свете,
То мы хоть верность сохраним!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

Б Л И З И Т С Я Т Ы С Я Ч Е Л Е Т И Е

Заметно сокращается срок встречи с 1988 годом. Тысячелетие крещения Руси у порога. Как пройдет празднование этой исторической даты? Что будет сопровождать торжественное богослужение? Появятся ли новые песнопения, новые духовные концерты? С таким вопросом часто обращаются ко мне музыканты и певцы из СССР. Даже прошел в СССР слух о том, что готовится немало новых музыкальных произведений, которые созданы русскими зарубежными композиторами. В СССР пишут композиторы новые богослужебные песнопения, хотя делают это втайне. Известно, что каждое новое музыкальное произведение проходит в СССР строгую цензуру, а коль узнают, что кто из композиторов отдает свое вдохновение служению Богу, тому не одобровать, ожидают злоключения. Советские композиторы обязаны служить антихристу, коммунистической партии. Так им повелевают.

Сегодня пролегла бесчеловечная граница между подневольными жителями СССР и свободными странами. Но никакая граница не может разъединить русскую речь, русскую православную веру, святое богослужение. Все мы вскормлены матушкой Россией. А наша святая вера помогла нам устоять в сражениях с врагами, спасла от гибели. Под церковными знаменами россияне шли в бой, а русские монастыри становились крепостями, которые не были в состоянии одолеть враги. Сохранилось немало песнопений, в которых восславляется русская доблесть, вера в Бога. Но разве не пора подумать о новых песнопениях, которые бы стали летописью русского мужества? И если такие новые песнопения рождаются, то почему бы их не предать широкой гласности, чтобы их пели также и на родине, в России?

Все, что здесь я пишу, услышано мною из уст приезжих из СССР музыкантов и певцов. Среди них известные всему миру своим волшебным искусством пения и игры на музыкальных инструментах. Да еще спрашивают почему не объявлен всемирный конкурс на лучшие духовные концерты или песнопения в честь тысячелетия? Такой конкурс мог бы стимулировать творческое вдохновение, объединил бы в странах рассеяния истинно русский дух. Не в премии на таком конкурсе дело. Самой лучшей наградой будет торжественное исполнение таких произведений; да великая благодарность живущих по свету всему русским душой и телом. Мои собеседники хотят верить, что такой призыв найдет отклик и воспрянет могучий творческий дух.

Профессор МИХАИЛ ГОЛЬДШТЕЙН

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

Государству — неограниченное право действия и закона, Земле — полное право мнения и слова...
внешняя правда — Государству,
внутренняя правда — Земле; неограниченная власть — Царю, полная свобода жизни и духа — народу;
свобода действия и закона — Царю,
свобода мнения и слова — народу.

К. АКСАКОВ

Среди книг

СУД ГОСПОДЕНЬ

В романе С. Минцлова "Сын земли", опубликованном в Берлине в 20-е годы (вещи сравнительно слабы; тому же автору случалось подыматься на более высокую ступень) и отражающему события революции и гражданской войны, привлекает внимание беседа между либеральным писателем Накладовым и священником Андриановым, происходящая в Крыму, назадолго до эвакуации:

— "Все в руке Бога!.. За грехи и с нас взыскивается!" — "За чьи же?" — с иронией осведомился Накладов. — "Да за наши, наши! То-то и худо, что мы все киваем на других, а на себя не оглядываемся!" — "Все поколения были так же грешны!" — возразил Накладов — "Почему же взыскивается именно с нас, разве это справедливо?" — "По вере дадено: веровали мы все — что греха таить — в эту революцию; вот и получили! Мы как лягушки в басне господина Крылова, что царя себе просили! А справедливо ли поступлено, нет ли, — Господу сверху видно!"

Там же, несколькими страницами далее, выделим разговор разочаровавшегося в борьбе и желающего уйти из Белой Армии уланского вахмистра Васильева с молодым офицером Ильешей Воеводичем: — "Почему же ты не можешь служить?" — "А кому? Государя нет, господа настоящие попропали! За кого ж теперь кровь лить и с тифу мереть?" — "Мрем за то, чтобы иметь Царя! Нет его сейчас, но он будет; все опять назад вернем!"

За это мы беремся, вот уже два поколения; в это мы верим! Бог же, как нас учит Церковь: "Не навсегда прогневается, ниже навек враждует!"

ГРАБИМАЯ ПРИРОДА

Книга В. Чивилихина "По гордам и весям" (Москва, 1976) содержит ряд очерков о разрушении природы в СССР. Грустное впечатление остается от его живых и видимо искренних зарисовок...

Остановившись на необходимости сохранения лесов, он уделяет особое внимание кедром, показывая их значение в качестве производителей орехов, дающих ценнейшее масло. Это увлекает его в рассказ о деятельности группы молодежи, создавшей на Алтае поселок *Кедроград*, где специально разводился и оберегался сибирский кедр. Писателю удается заразить нас их энтузиазмом и самоотверженностью и вызвать к ним подлинный интерес. Но что же? Несколькими страницами далее, мы наталкиваемся на краткое упоминание, что правительство не поддержало данную инициативу, начало ставить организаторам препятствия, предъявлять чрезмерные требования, — и все их предприятие распалось... Вот и в деле охраны железнодорожных путей через древонасаждения, усердные и разумные работники встречают, узнаем мы, противодействие начальства. Планы лесонасаждения были составлены, потом оставлены, теперь возобновляются вновь... А в общем, как уныло комментирует автор: "Пропали труды, пропали деньги".

Хуже еще обстоит дело с эрозией почвы. Тут и вовсе преступную роль сыграло правительство, осуществив распашку целинных земель и породив через *черные бури*, когда ураганы выдували и уносили верхние слои земли, засыпая посевы в обширных областях... Не лучше обстоит и с

затошлением громадных участков, часто бесполезным и убыточным... А тут еще и загрязнение рек, озер, даже морей...

"К глубокому сожалению..." — комментирует Чивилихин, — "на лице нашей родной земли все больше становится отравленных рек, бездумно спущенных или обедненных ведомственным хищничеством озер, неразумно вырубленных лесов". И перед лицом всего этого он не в силах удержаться от почти что угрозы: "Ах как пожалеют все об этом через десяток лет!"

Какой парадокс, однако! Не оправдывают ли большевики все свое свирепство, все лишения и страдания, на какие они обрекли и обрекают подчиненное им население, тем, что это де делается во имя счастья потомков? А выходит, что они ведут политику в стиле: "После нас хоть потоп!", жертвуя, ради выполнения сегодня хозяйственных планов, будущим благосостоянием всей страны! Насколько важно, насколько срочно, — прогнать их от кормила правления, остро чувствуешь при чтении таких вот сочинений, деловых и узко специальных по теме и сугубо благонамеренных по тону...

В тот же том включены впечатления писателя от поездки по Швеции. Они тоже удручают: но совсем по другому! Здесь он пишет в стиле грубой, вульгарной советской агитки, проливая слезы над участью шведских рабочих (чуть ли не самых избалованных в Европе!), словно бы под советским жилось легче! Эту часть книги, словно бы начертанную иною рукою, не стоит и читать (а она, к несчастью, занимает около половины...).

МОРЕ ПЕРЕД ГРОЗОЮ

Habent sua fata libelli! Роман "В море житейском" был ранним произведением П. Н. Краснова, предназначенным для газеты "Русский Инвалид" и законченным в 1911 году. Позже, в 1940 году, он вернулся к своему прежнему сочинению и полностью его переработал, а затем пожертвовал в дар Союзу Русских Военных Инвалидов в Париже, отказавшись в пользу сего последнего от авторских прав. Но выпустить книгу удалось только в 1962 году. И удивительно, — значительная часть издания до сих пор не распродана! А, казалось бы, мученическая и героическая смерть генерала Краснова должна бы была привлечь всеобщее внимание к вещи, являющейся одновременно одною из его первых и — последней! Рискнем прибавить, — и одной из самых лучших.

Краснов принадлежал, однако, лет 20, к числу самых популярных писателей в русской эмиграции. Его романы переводились на многие иностранные языки, и его творчество, несмотря на усилия левой критики, никак нельзя зачислить в категорию бульварщины; а большой опыт позволял ему говорить со знанием дела

равно об Абиссинии, Средней Азии, Дальнем Востоке и о быте русского Зарубежья; и, конечно, о революции и гражданской войне. Долгая и столь трагически оборвавшаяся его жизнь вся отдана была на служение родине, и целиком прав генерал Позднышев, в предисловии к разбираемой нами книге, применяя к нему слова Гумилева и восклицая, что в его груди билось золотое сердце России.

Несмотря на переделку, роман сохранил атмосферу юности: он весь пронизан солнцем, светом и теплом летних дней на берегу то Балтийского, то Черного моря, и даже аромат цветов передан так ярко, что его неотразимо ощущаешь при чтении. Положим, в повествовании многократно меняются сезоны и обстановка; есть эпизоды грустные и даже жуткие; но общий колорит на нем лежит радостный и бодрый. Не диво: речь идет о счастливых временах нашего отечества; стоявшего, увы, на пороге страшных испытаний.

Нам рассказывается судьба трех офицеров, вовсе молодых в начале и приближающихся к среднему возрасту в конце. Из них, удачливый гусар Вадим Ламбин, видимо, отражает некоторые автобиографические черты писателя. Неудачливый, в противовес ему, усердный служака Иван Верхотуров, проводящий лучшую пору своей жизни на окраине Империи и плохо награжденный за свои заслуги, напоминает лермонтовского Максима Максимыча, с налетом интеллигента позднейшей формации. Тогда как финн Георгий Мальмсен, блестящий службист и академик, невольно воскрешает у нас в сознании пушкинского Германа: ледяная поверхность, а под нею жгучие страсти, влекущие в пропасть...

Некоторые мысли Краснова (высказывавшиеся им не только здесь) вызывают страшноватое предположение: может быть, они сыграли роль в действиях тех черных сил, которые определили его выдачу Советам? Один из героев романа, генерал Бетрицев, защищая память императора Павла Первого, провозглашает: "Самодур, скажешь? Ах, если бы этого самодура послушали, то не против Бонапарта, а с Бонапартом громить злейшего врага России — Англию... Святой бы вышел Государь. А то в самодуры записали и убили..." Уши врагов уловили эти слова — и со временем за них было отплачено.

СЕРОЕ ГРЯДУЩЕЕ

В сборнике научно-фантастических рассказов В. Сапарина "Суд над Танталусом", вышедшем в 1962 году в Москве, в издательстве "Молодая Гвардия", мы видим картины будущего мира, где, конечно, восторжествовал коммунизм. Все механизировано и машинизировано: люди живут ради того, чтобы работать; а по работе они являются как бы придатками, — чтобы не сказать рабами, — машин.

Как резюмирует один из положительных персонажей: "Техника — наша гордость, наша сила..." Словно бы мы вернулись к 20-м годам в СССР, когда там всерьез царили вот именно такие наукопоклонство и вера в неограниченные возможности технического прогресса.

Основное мировоззрение сей эпохи всеобщего счастья формулирует другой персонаж, словами: "Прежде всего человеку нужно счастье работы". Несомненно, как раз такого настроения желал бы от своих подданных советский режим; да те, покамест, склонны чувствовать и мыслить иначе.

Еще один герой Сапарина, художник, лирически вздыхает: "Так хочется изобразить то легендарное время, ту героическую эпоху, когда день за днем строилось коммунистическое общество". В самом деле, какие бы можно набросать чудные полотна! Например: рабочий день в концлагере; проведение раскулачивания; расстрел в Катюши.. да и мало ли еще!

Хочется порадоваться, в целом, что речь идет не о сегодняшнем дне, а о грядущем (и, слава Богу, еще далеко!). Как известно, западные фантасты склонны изображать предстоящее нам через сотни лет скорее в виде серии катастроф и трагедий. Но даже и это — более оптимистично, чем предлагаемые нам здесь схемы счастливого законопослушного и наглухо закабаленного компартией человечества.

Отметим, что в числе описываемых тут машин имеется одна под поэтическим именем *Элеонора*, исполняющая следующие функции: "В любой момент она сообщает вам, сколько сегодня на Земле людей, много ли из них мужчин и женщин, а среди них, допустим, астрономов, из последних специалистов по дальним галактикам, а уже из них — умеющих плавать и знающих древние языки... Никто не делает специальных записей о рождении ребенка, о шагах человека на разных поприщах, о его выявленных способностях, — просто эти сведения сообщаются "Элеоноре". Мировой статистик служит одновременно и мировым справочным бюро и мировым адресным столом". Подлинно — воплощенная мечта чеккиста! Само собой подразумевается, сия симпатичная машина ведет и учет политических мнений и настроений.

С некоторым облегчением читаешь несколько рассказов, посвященных экспедиции на Венеру, где живут дикари-полуобезьяны, выдержанных в стиле романов Уэльса или даже Майн-Рида.

В своей книге о научно-фантастической литературе, недавно разобранный в "Нашей Стране", Л. Геллер рассматривал оную как своего рода идеологическую отдушину для подсоветского населения. Увы, — на деле, в данной области все гайки завинчены не менее, а то и более крепко, чем в других жанрах художественной литературы!

Савва Юрченко

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ...

ДЕМОКРАТИЯ

... И все же трудно сказать, что создает худших правителей, — наследственное право или народный выбор. Римские консулы хороши, но зато они правили всего год и как бы чувствовали личное обязательство выделиться. Еще труднее сказать, какое правительство *самое дурное* — все так плохо. Что касается демократии — это худшее из всех; ибо что такое (фактически) демократия? Аристократия головорезов...

(Из письма Байрона, датированного в Равенне 1 мая 1821 года и воспроизведенного в 3-м томе "Избранных произведений" Анатолия Виноградова, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва 1960).

И. РЫБКИН

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА

Политические несуразности

В настоящее время почти все, поголовно, не только в Европе, или в Америке, но и во всем мире, так свыклись с демократическими принципами партийно-политических выборов и — на основании их устройства — парламентов, что, повидимому, никому и в голову не приходит задуматься над основным: на каких морально-этических, или хотя бы логических принципах обосновываются все эти выборы и парламенты?

Ведь если задуматься, то раньше всего обнаруживается, что эти партийно-политические выборы искусственно разделяют народы на взаимно враждующие партии, то есть духовно расщепляют нации и государства на части!

В результате, вместо былых подлинных государств, спянных воедино общими национальными идеями и интересами, теперь мы видим конгломераты борющихся между собой различных общественных организаций со своими лично-партийными политическими задачами, со стремлением побольше сорвать выгод для себя.

Конечно, каждая такая политическая партия официально прикрывается утверждением будто ее политические интересы якобы совпадают с интересами общегосударственными. Но это, безусловно, форменная ложь, ибо каждая политическая партия рассматривает государственные интересы со своей партийной точки зрения. А это равносильно тому, что свои партийные интересы считать интересами общегосударственными.

Только монархическая партия может иметь некоторые оправдания, ибо у монарха, как хозяина своей страны, личные интересы могут вполне совпадать с интересами общегосударственными. Но и тут: иные из монархистов, могут голосовать за монархию, не только идейно, но и ради своих собственных интересов, так как монархиям свойственно большее уважение к чужой собственности, чем республиканским формам правления. Для последних же не является запретом древний Закон: "Не пожелай никакого чужого добра"; не является запретом присвоить чужое имущество. Ибо все конфискации, которые так привычны республиканцам, есть не что иное, как явный грабег.

У обывателей нет возможно-

сти, при существовании партийно-политических выборов, честно голосовать за интересы своей родной страны. Для них, партийно-политическое голосование окажется изменой отечеству.

Вот, вероятно, чем объясняется большой процент уклоняющихся от участия в политических выборах во многих странах. Видимо, многие чувствуют, что честно высказать свою волю при таких условиях — они не в состоянии. Ибо естественно, что всякая политическая партия, раньше всего блюдет свои партийные интересы, а не общегосударственные.

И получается, что наиболее патриотичные и честные граждане в устраиваемых ныне выборах почти не участвуют! А таковых бывает и треть и более. В выборах же участвует лишь две трети населения. И очень часто на межпартийных состязаниях одна партия побеждает другую всего на несколько голосов. Так фактически 1/3 оказывается "большинством". А ведь отказавшиеся от участия в выборах тем самым как бы голосовали против.

Эта комедия, а точнее шулерничество и является основной характеристикой парламентарного, партийно-политического строя! И не даром парламент, даже в такой сугубо демократической стране, как Франция, среди простого народа именуется весьма неприличным именем на букву "б".

Но если бы даже и действительно большинство победило на выборах, то это вовсе не указывало бы на какую-то подлинную, или мудрую справедливость. Ибо постоянно в жизни оказывается, что не большинство бывает *право*, а меньшинство. И даже иногда единичные лица.

Вообще надо не забывать, что всякое творчество присуще исключительно *единицам*, но никогда не массам, не большинству.

Только *личности*, только единицы своею гениальностью, талантами, знаниями, умом, силою воли, упорным трудолюбием способны на творчество, на созидание!

Во всем мире расцвет философии, различных наук, искусства, а также военные победы и достижения государственного величия — все это осуществлялось исключительно талантами и волею *единиц*. Иначе и быть не может: массы ни на какое творчество абсолютно не способны!

И напрасно демократы, не подумав, уверяют о возможности какого-то "народоправия". Все это есть вздор и явный обман. Ибо даже при полном желании, невозможно себе представить каким образом весь народ мог бы участвовать во всех делах государственного управления. Всякая попытка в этом направлении, привела бы всю страну в невообразимый хаос.

Ведь каждый человек сообразующийся не с фантазиями, а с реальной жизнью и способный хоть мало-мальски рассуждать знает, что если даже только 3 или 4 человека захотят исполнить какое-либо общее дело — им необходимо выбрать старшего, распорядителя, начальствующего, ибо иначе получится, как в мудрой басне Крылова "Лебедь, щука и рак": дело с места не двинется! Так даже исреди трех человек, народоправство никак не удастся.

Ярким примером того, что и как

надо делать, чтобы, наоборот, дело спорилось, это бывший в России "отхожий промысел", под названием "артели", которые так успешно выполняли множество необходимых для населения работ.

Организовались эти артели следующим образом. Крестьяне, желавшие участвовать в артели для совершения какой-то определенной работы (будучи разумеется, совершенно равноправными между собой), с общего согласия выбирали себе "старосту", который с этого момента становился как бы полнейшим диктатором в вопросах организации, работы и жизни артели. А все прочие члены артели становились обязанными полностью и без никакого прекословия исполнять все распоряжения своего старосты. Ясно, что здесь не было и помину о каком-то "народоправстве". И вот, при таких порядках, работа в этих артелях обыкновенно шла прекрасно, а участники артелей хорошо зарабатывали.

Знаменательно, что советская власть и теперь допускает этим артелям под названием "шабашников" работать в СССР, так как сама не справляется с потребностями строительства в стране. И допускает несмотря на то, что все основы и организации и работы в этих артелях — явно и сугубо антисоветские.

Зато исполнительность, качество работы и — особенно — производительность труда у этих "шабашников" несравненно выше, чем в работах советского производства. Конечно у "шабашников" — как в любое время в артелях — в старосты выбирается человек наиболее знающий предстоящую работу, человек умелый, с большим опытом и с качествами умного и отличающегося своею порядочностью "хозяина". В то время как при партийно-политических выборах на знания, ум, качества, стаж, порядочность и вообще на годность человека к предстоящей работе (даже министра, долженствующего принять участие в управлении страной), не обращается никакого внимания. Ибо тут важно одно: быть верным членом данной политической партии.

Конечно от такого рода "деловых" людей, прока в деле быть не может...

Здесь невольно вспоминаются мудрые слова известного ученого и интереснейшего и глубокого знатока политико-экономических вопросов Анатолия Павловича Федосеева, высказавшегося по отношению к социализму так: "*социализм и разумная человеческая деятельность несовместимы*".

Эти же слова, с полной справедливостью могут и должны быть отнесены и ко всяким партийно-политическим выборам, голосованиям и вообще ко всей партийно-политической деятельности, включая и демократический парламентаризм и народовластие! Ибо народовластие, по своей сущности есть абсурд: управлять весь народ целиком, явно никак не может. Нужны выборы представителя. А как только появился представитель — власть оказывается в его руках. Народ же автоматически лишается всякой власти. Народовластие фактически никогда не осуществимо.

И. РЫБКИН

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ

О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

В московском журнале "Знание — сила" есть очень интересный исторический отдел. В № 6 за 1985 год С. Смирнов в статье "Европа — 500 лет назад" пишет:

"В юной России почти никому не тесно (этим она выгодно отличается от Испании); оттого русский национальный характер (во многом близкий к испанскому) выделяется на общеевропейском фоне еще и редкой готовностью сотрудничества с чужаками, будь то "латынцы", "басурмане" или "язычники". Пожалуй, без такого психологического капитала нашим предкам не удалось бы размахнуть свою родину на треть Евразии".

Академик И. Р. Григулевич в книге "Инквизиция", вышедшей в Москве в том же 1985 году, как бы переключаясь со С. Смирновым, цитирует испанского историка Менендеса-и-Пелаяо, который касаясь преследования иудеев, мавров, марранов и морисков, считает "отвратительной эту расовую борьбу — главную причину упадка Испании" (стр. 18). С. Смирнов замечает по этому поводу, что "преследуемые мавры были лучшими земледельцами и ремесленниками полуострова".

В том же году из Москвы пришла самиздатская статья А. Мирова, опубликованная в "Вестнике РХД" № 142. На ту же тему автор высказывается так: "Если термин "великая нация" вообще правомочен, то употреблять его можно, во-первых, как обозначение многочисленной и имеющей значительную территорию нации, а во-вторых, как нации, внесшей бесспорный вклад в общечеловеческую историю и культуру. Исторические достижения русской нации (три главных ветви которой суть белорусы, великорусы и украинцы) становятся все более неоспоримыми. А блистательным нашим 19-м веком Россия внесла такой вклад в духовный потенциал всего мира, что разом и навсегда сравнялась с традиционно-передовыми Англией, Францией и Германией (как сравнялась с ними своим 20-м веком и Америка).

"Исходя из подобной точки зрения, — продолжает автор, — великими нациями должны быть, наверное, признаваемы американцы, англичане, арабы, испанцы, итальянцы, китайцы, немцы, русские, французы, японцы. Но само словосочетание это жизненно лишь тогда, когда его употребляют как формальную характеристику, а не с целью ущемить права прочих народов или оскорбить их достоинство. Величие проявляется в широте и милосердии: если нация "велика", то именно ей вверяется Богом и историей защита "малых" народов и забота о них". (стр. 252)

В заключение автор цитирует К. Леонтьева: "Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа, а узкий славизм был бы просто опасен для великорусской центральной власти". (стр. 235)

Е. Кармазин

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ С ЛИНЕЙ "НАШЕЙ СТРАНЫ" — ДОСТАВЬТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ.

Журнал «Согласие»

В г. Лос Анжелосе издается русский патриотический журнал "Согласие" на 64 страницах.

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Подписная плата в США — 15 долл., за границу 18 долл.

Чеки направлять по адресу:

"Soglasije"
5430 Fernwoode Avenue
Los Angeles, CA 90027

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Рафальский. "Николин Бор". (Париж, 1984).

Сборник содержит 2 повести и один рассказ покойного критика и журналиста, долголетнего сотрудника "Русской Мысли" и "Нового Русского Слова" (и, эпизодически, иных печатных органов), разной длины и разного качества.

Сильнее всего "Искушение отца Афанасия", первоначально напечатанное в журнале "Возрождение" в 1956 году. Это история молодого чекиста, становящегося священником по заданию органов и сосланного для виду в концлагерь. При столкновении с живыми людьми, его революционные убеждения начинают шататься, материалистическая идеология дает трещины, и мы расстаемся с ним, когда он уже на пороге, готовый к переходу в другой, антикоммунистический стан. Здесь есть превосходные места, вряд ли не лучшие, вылившиеся из-под пера писателя за всю его долгую жизнь. К ним принадлежит то, где долго пробывший в лагерях узник, некий эсер, рассказывает историю:

"Что теперь!.. Теперь это почти такая же жизнь, как и на воле! Все в большей или меньшей степени подлежат принудительному труду в социалистическом государстве. Но вот, если бы вы побывали здесь 20 лет тому назад, когда не было ни городка, ни подъездной дороги, ни настоящих бараков, когда здесь, как тараканов, морили социально чуждые элементы, когда все неспособное гнуться, подличать, скрываться, предавать, подлаживаться, — словом, все самое лучшее, что было в нашей аристократии, в нашей интеллигенции, в нашем духовенстве, самое трезвое и передовое наше крестьянство, — именно здесь подлежало медленной, мучительной, бесчеловечной, всеми средствами опозоренной смерти. Вот тогда это был настоящий ад... Если бы в те годы здесь были поставлены

газовые камеры — добровольные очереди не переводились бы... Все-таки — сразу конец..."

И дальше: "Должен сказать, между прочим, что попы шли на муку и смерть легче других... Для них все было ясно: Бог отдал мир во власть Тьмы, а они — плохо ли, хорошо ли служили Свету. Вся сволочь, какая была в их сословии — осталась снаружи: перековывалась, перекрашивалась, подлизывалась... Как и полагается в революционном отборе наоборот — на измор попали одни более или менее порядочные люди. Всю жизнь они грешили — кто нерадением, кто пьянством, кто картишками, кто сребролюбием. И вдруг представилась им возможность очиститься перед Господом Славы, которому — в свое время — так нерадиво служили... Оставалась только смерть и за ней Бог, к стопам которого, как разрешительную грамоту, они клали свою горькую муку — и она должна была их обелить "паче снега"... Но вот на кого было страшно смотреть — это на крестьян. В своей попытке они не видели смысла, не понимали ее и оттого томилась еще больше..."

Короткий рассказ на евангельскую тему... "Во едину из суббот", напротив, оставляет чувство, что автор взялся за непосильную ему тему. Некоторые образы ему все же удались, как пресыщенный скептик Пилат и ни во что по сути дела не верующий Первосвященник: элита гибнущего, потерявшего все духовные ценности старого мира.

Слабее гораздо, чем "Искушение отца Афанасия", другая большая повесть, носящая то же название, что и сборник в целом, "Николин Бор". Автору плохую услугу оказывает тут присущий ему злой, ядовитый юмор, которым он так ловко пользовался в литературных и политических полемиках, но который он, видимо, не всегда умеет контролировать и сдерживать. Когда он едко глумится над мелкими и в общем невинными человеческими слабостями своих персонажей, создается ощущение чрезмерности, несообразно строгого осуждения.

Да, русские эмигранты в Париже живут в бедности, принуждены занимать в долг, брать в лавочке в кредит, заниматься мелкими расчетами при бытовых расходах; и это особенно невыносимо тем, у кого характер от природы не скопидомский, а щедрый и общительный. Но так ли уж оно забавно? По сути ведь — скорее грустно. И чем беспощаднее становятся издевки Рафальского, тем менее разделяет его настроение читатель.

Что уж так-то изобличать человека, если он, например, засмотрелся на улице на хорошенькую девушку? Кому не случается! А уж насмешки над старым полковником, близким уже к смерти, но все еще чувствующим себя борцом против большевизма, — они уж и вовсе на грани дурного вкуса. Вообще такая философия, что мол политическая борьба эмигранции все равно не дает ощутимых результатов, и потому не надо ничего делать, есть философия приятная для мещан, но ведь крайне низменная.

Возникающая по ходу рассказа ситуация, появление советского провокатора внутри возглавления эмигрантской организации (не трудно угадать, что Рафальский метит в солидаристов; и даже имя провокатора можно бы угадать) вполне реальна; а метод снятия проблемы стоит на уровне дешевого остроумия: "Что он может выдать большевикам? План Сент-Женевьевского кладбища? Или дату "Дня Кадетской Скорби"?" На деле, почему-то, чекисты все же эмиграцией интересуются; и всерьез. Да и не так-то уж глупо делают: она не из одних стариков состоит, и тем более не из одних сплошных идиотов. Автор смешивает конец своих сверстников, своего поколения, с концом эмиграции вообще.

Есть у Рафальского один неприятный заскок: тупая враждебность ко второй волне, неуклонно рисуемой им в виде неких питекантропов, на которых его староэмигрантские персонажи законно смотрят сверху вниз. Высмеивая чужие предрассудки, он по уши тонет в своих собственных.

Иронизировать 45 страниц под-

ряд тяжело даже и остроумному человеку. Вышутив все и вся (часто вещи, которых бы вовсе не следовало касаться!) Рафальский, который всю жизнь был Дон Кихотом февральской революции, смеется и над ней! Не возражаем: для нас-то ведь она — никакая не святая.

Вот что о ней говорит в "Николине Бору" русский немец Кранц: "А наша революция... Уже один февральский ее титул чего стоит: "Великая и бескровная!" И эту ханжескую пошлость придумал интеллигент — "живая совесть земли русской" — на другой же день после того, как последний городской был пристрелен на последнем петербургском чердаке!"

А главный герой повести, Александр Петрович, терзаясь вопросом "Кто нас всех загнал в эту эмигрантскую бутылку?", сам себе отвечает: "Русская интеллигенция! При всем своем юродстве она была все-таки умней, а режим был глупее пробки. Вместо того, чтобы обходиться с ним как с Иванушкой-дурачком — интеллигенция изо всех сил напирала на его эгоизм, жестокость и подлость, которых — вне общепринятых во всех режимах норм — у нас, собственно, и не было. И в результате — вместо "неба в алмазах", настоящий, а не выдуманный для революционных куплетов "деспот в чертогах златых"!"

Додумав до конца, получается, что если левая интеллигенция (на всю-то интеллигенцию валить вовсе незачем!) была умная, то вроде Льва Толстого, о котором, как известно, знавший его мужичек сказал: "Барин он, конечно, умный; только ум-то у него дурак!" Зачем же было свертать режим, не бывший ни эгоистическим, ни жестоким, ни подлым? А был ли он глупым — тоже ведь сомнительно: держался веками; а пришедший на смену ему режим Керенского не сумел и года продержаться!

Владимир Рудинский

И смех и грех...

— Как теперь понимать фамилию и инициалы генсека?

— Граждане,
Обрадовались
Рано.
Брежнева,
Андропова,
Черненко
Еще
Вспомните
Милостивцами,
Справедливцами.

Приехал Горбачев на завод.
Спрашивает первого попавшегося рабочего:

— Вы, товарищ, здесь хорошо работаете?
— Да вот, на Доску Почета повесили.
— А вы после стакана водки смогли бы так же трудиться?
— Думаю, что да.
— А после двух?
— Наверное, тоже сумел бы.
— А после трех?
— Видите ж, работаю.

"Мы требуем самый жирный кусок... и мы его сожрем..."

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Монроэ 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,30. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980